

МЕДАЛЬ В ПРОТЯНУТОЙ РУКЕ

Размышления над семейным альбомом

В музее «Бородинская битва» представлен уникальный экспонат: казацкая шашка, в ножны которой вмонтированы 25 медалей - от медали «За взятие Парижа в 1814 году» до медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

Необычна история этой шашки. Изготовили ее в 1811 году славные златоустовские мастера. Верой-правдой служила она украинскому казаку Семену Марковичу в Бородинском сражении. Десять его медалей вмонтированы в ножны легендарного клинка.

Сын Семена Всеволодовича Ероним Семенович тоже, можно сказать, погиб на поле брани. Любовь к народу, Отечеству, мечта о свободе привели его к смерти в царской ссылке. Родился у Еронима сын. Ему он завещал легендарный клинок и любовь к России. С этой шашкой Владимир Еронимович закончил войну с фашистской Германией в 1945-м. Его медали на ножнах шашки - последние.

Как драгоценная семейная реликвия передавалась шашка из поколения в поколение в семье Марковичей, пока не стала и национальной гордостью.

Несколько лет назад судьба свела меня с Акимом Демченко, патриархом системы жилищно-коммунального хозяйства столицы. Много лет по просьбе внука вел Аким Федотович дневник - несколько обычных канцелярских книг. Все в них было: и о страшном голоде на Украине в 30-е годы, и о Великой Отечественной, и о строительстве московских Черемушек... Свообразная летопись жизни. Факты личной биографии.

Есть в нашей жизни даты, когда надевают ветераны военную форму, достают из заветных шкапулок боевые награды. Случается, что именно в такие дни впервые узнают их дети и внуки о славном прошлом семьи - живой частице истории Отечества. Что сказать? Действительно, был у нас период какого-то национального беспамьяства, когда ветераны стеснялись своих боевых наград, когда закрывались школьные музеи боевой и трудовой славы народа, когда уроки мужества вычеркивались из школьных расписаний, а ветеранам практически был закрыт доступ в школы.

Почему именно сегодня я думаю об этом?

Через год мы будем отмечать 60-ю годовщину Великой Победы. Можно сказать, за это время выросло не одно поколение россиян, не знавшее, что же это была за война и чего стоила нашему народу Победа. Время жестоко, как и сама война: уходит из жизни ветераны - люди, которые принесли миру эту Победу, из чьих жизней и судеб соткана живая ткань истории. Сегодня слушаешь и читаешь о тех уже далеких днях - становится как-то не по себе.

Никто, думаю, не будет отрицать жестокость сталинских репрессий, трагические просчеты военного времени, тяжелые экономические последствия различного рода «загибов» и «перегибов», как и то, что на протяжении многих десятилетий

мы строили «светлое здание коммунизма» как бы без лестничных пролетов, без окон и дверей. Но ведь строили же! И не вина тех миллионов тружеников, которые клали на алтарь Отечества свои жизни, свято веря, что когда-нибудь это будущее наступит.

Сегодня нет у нас этой веры - мы слишком часто жестоко обманывались. Нет этой веры в первую очередь у молодых.

Неимоверно тяжело и небезошибочно идем мы к осознанию своего прошлого. Вспомним, сколько раз за последние десятилетия переписывали собственную историю в угоду неведомо кому. Обидно за державу, чье прошлое перетряхивается, словно старье из допотопного сундука, прежде чем вывесить его на просушку.

Мы справедливо критикуем бывшее руководство, приведшее страну к экономическому и духовному кризису. И правда, чем объяснить молодым то жалкое существование, которое влечет ныне наши ветераны? Что мы можем ответить на вопросы ребят из поисковых отрядов, которые сегодня собирают по лесам и болотам останки наших солдат, не нашедших упокоения и через 60 лет после Победы?

Меня, жителя блокадного Ленинграда, до глубины души поразил эпизод, показанный недавно по Центральному телевидению. В Городе-герое, перенесшем страшнейшую блокаду, добровольцы хо-

дят по улицам и собирают деньги, чтобы выкупить медали, которыми правительство решило отметить блокадников к 60-й годовщине освобождения города. Что может быть кошунственнее! Не лучше положение и в Москве, где ныне проживают бывшие блокадники. В нашем округе их осталось около 500. Но и они не могут получить эти медали. Как мне удалось выяснить, медали заказывала некая коммерческая фирма, каждая медаль обошлась ей в 150 рублей. Естественно, она хочет вернуть свои деньги. Но руководителям фирмы, видимо, стыдно требовать эти деньги с блокадников, и коммерсанты советуют искать спонсоров, которые выкупили бы эти медали, - только тогда состоится их торжественное вручение. И это все - на фоне сообщения о том, что «Сибнефть» выделила футбольной команде ЦСКА 54 миллиона рублей. 60 спонсорских миллионов получит подмосковный «Сатурн». Я даже представить себе не могу, какие тут могут быть комментарии. Я не против футбола. Но мне будет стыдно за свою страну, если через год мы пойдем на улицу с протянутой рукой, чтобы собрать деньги на юбилейные медали ветеранам в честь 60-летия Великой Победы - той Победы, за которую миллионы россиян заплатили уже своими жизнями.

Где, на каком этапе нашей истории мы растеряли то, что отличало русского мастера и российского интеллигента? Где началась моральная, духовная деградация нашего общества, нашей нравственности? Обнадеживает одно: сегодня эти вопросы задают себе не только члены правительства, но и президент. А я вспоминаю времена, когда с трибуны первого Съезда народных депутатов о них заговорил академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: без культуры в обществе нет и нравственности. А без элементарной нравственности не действуют социальные и экономические законы, не выполняются указы и постановления, не может существовать современная наука. Уважаемый академик имел в виду культуру не в узком ее понимании, а в масштабах глобальных, делающих человека человеком в самом высоком значении этого слова.

Репрессии, различного рода «культы» и «культики» коснулись прямо или косвенно каждой семьи. Безусловно, не все оказалось в лагерь, но разве можно сбросить со счетов репрессии моральные, которым подвергся целый народ? Это не могло не отразиться в первую очередь на семье - в ней поселились страх, лицемерие, двоеду-

шие, нигилизм и отчаяние. Мы научились жить как бы в двух ипостасях, говорить об одном и том же совершенно разное в зависимости от внешних обстоятельств. Мы и сегодня еще не избавились от этого. Живем и мыслим категориями прошлого, казня себя и отцов наших за то, что мы такие, что не смогли вытравить из себя рабскую психологию. Не исключаю, что это и сегодня кому-то выгодно, чтобы повернуть народ лицом назад, отвлечь от проблем сегодняшнего дня.

Дело не в том, что постепенно как бы выворачиваются наизнанку благие правительственные реформы - будь то реформа армии, образования, судебная или жилищная. Речь идет о нравственном обнищании народа, которое трудно приостановить даже самыми радикальными мерами.

Посмотрите, сколь бездумно мы относимся к старости. Сколь стремительно идет расслоение, сколь пагубна ожесточенность нашего бытия, которая разрушает семейные узы, калечит детские души. Подумайте, как жестоки мы бываем к своим близким, к женщине, к детям. И не надо, думаю, долго искать причины безудержного роста преступности, наркомании, детской безнадзорности, захлестнувших ныне страну.

Мучительно трудно мы ищем выход из сложившейся ситуации. Не исключено, что и найдем ту единственную тропку, по которой можно вырваться на столбовую дорожку развития современной цивилизации. Допускаю даже, что через 10-20 лет, как уверяют политики, мы будем жить в полном достатке. Но станем ли от этого добрее, человечнее, уважительнее к себе и окружающим? Избавятся ли к тому времени наши внуки от комплекса душевной и моральной неполноценности?

Открываешь старый семейный альбом - смотришь на тебя с пожелтевших фотографий дорогие лица. И думаешь невольно: а что ты оставил в своем доме как завещание, как память?

А на экране телевизора вижу церемонию вручения в США юбилейных медалей в честь 300-летия Ленинграда - тех медалей, которых до сих пор не имеют еще коренные ленинградцы. Горько и обидно смотреть на все это. Жизнь, видимо, ничему нас не научила. А может, мы просто нерадивые ученики?

Всего год отделяет нас от 60-й годовщины Великой Победы. Может, поумнеем за это время?

Не закрывайте свой семейный альбом...

Юрий КУРБАТОВ,

житель блокадного Ленинграда

В 1941 году Марку Бершадскому было 22 года. Он учился на литературном факультете Института истории, философии и литературы. А Анне Гольдиной исполнилось 19. Она училась на юриста. Но главное в ее жизни уже произошло - Анна стала женой Марка. Ася - ласково называл он ее. Они были удивительно красивой парой. Очень любили друг друга и верили в свое счастье. Но началась война...

В июле 1941 года Марк Леонтьевич вступил в народное ополчение Москвы, с сентября 1941 г. - он курсант Краснознаменного училища имени Верховного Совета РСФСР. В январе 1942 года, после окончания училища, лейтенант Бершадский назначается в 1326-й стрелковый полк 415-й стрелковой дивизии 43-й армии Западного фронта. А в марте - погибает. В письмах Аси и Марка весь драматизм войны. И любовь, которая не умирает.

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

6 августа 1941 г. Ася, родная моя!

Числа 21-22 я отправил открытку с указанием своего адреса, но на следующий день адрес этот изменился и с тех пор мы все время в движении - вряд ли нас догонят письма.

7 августа 1941 г. Наконец-то мы получили прочные координаты. МКПУ - это Московское Краснознаменное пехотное училище. Окончилась лагерная подготовка, училище направлено в эвакуацию в г. Новосибирск.

7 сентября 1941 г. 12 ч. 45 м. Поезд только что подъехал к Подольску. Куда едем - естественно - не знаем. Второй вариант: доезжаем до станции Подсолончатая. Я думаю об одном, только об одном - увидеть тебя. Хоть на час, хоть полчаса побыть с тобой.

26 октября 1941 г. Асеня, родная! Пишу тебе с дороги. Училище наше находится сейчас на ст. Нечаевка, 200 км от Москвы. Эти 200 км мы прошли пешком. В первую же ночь шли мимо Удельной. Здесь для нас формируется эшелон, и мы едем дальше.

30 октября 1941 г. Сейчас мы находимся в полтора-два км от Казани. В теплушке 40 чел., страшная теснота. Идут занятия.

21 декабря 1941 г. Живем мы в военном городке. Это - огороженный участок, 5-6 км², на котором построены одноэтажные и двухэтажные казармы. Имеется также почта, клуб и 2-3 магазина, в которых можно купить чугунную пепельницу или дорожные шашки. Есть еще гауптвахта. Там имеется телефон, который все время занят (справляются о наличии свободных мест - чтобы попасть туда, надо занять очередь. Сидят там главным образом повара, посаженные за пьянство).

Что касается самого Новосибирска. Выстроен он, как видно, по принципу: «два мира - две системы». Центр с театрами, магазинами, новыми домами - и две огромные низины, почти овраги, сплошь утыканные крохотными домишками, курными избушками, глиняными хатками с окошками размером в школьную форматку. В декабре тут ударили такие морозы, что у доброй половины курсантов носы и щеки уже отморожены, другая половина приготовилась. Занимаемся по 12 часов. По субботам и воскресеньям можно получить отпуск в город. Я был раз в театре, видел «Пугна» и раз на концерте Ленинградской филармонии с Мравинским. Легкий жанр здесь представлен Утесовым и Людмилой Гелли. Вчера нам командир роты официально заявил, что выпуск будет между 5-10 февраля.

7 января 1942 г. Едем в Москву. Выпуск будет сразу по приезду или 10 февраля. Часть была выпущена к новому году. Я рад, что не был в их числе: все они оста-

лись в распоряжении СибВО - разосланы по формирующимся частям Новосибирской области.

Через месяц или меньше поеду на фронт, почти наверняка на Северный - в Карелию. Куда еще сибирякам? Почти все командирами рот или начальниками штабов батальона.

21 января 1942 г. Здравствуй, родная!

Пишу тебе с дороги. Училище перевезают в Москву. Половина из нас была выпущена лейтенантами в Новосибирске в начале января. Они остались в распоряжении СибВО - разосланы по формирующимся частям Новосибирской обл. Мы будем выпущены в Москве.

В апреле 1942 года Анна Лазаревна Гольдина получила письмо от комиссара полка В.П. Кобинова:

«...Пишу Вам подробно о Марке, нашем товарище, а вашему муже. Он погиб, но погиб не просто, а смертью храбрых достойных сынов своей Родины. Вначале, когда он прибыл ко мне, я его взял к себе секретарем комсомольского бюро, и он работал около двух недель, и в начале марта он просил меня направить его в стрелковое подразделение, так как он лейтенант. В начале не

давал ему согласия, но потом уступил и назначил его командиром 1-го стрелкового батальона. Взятая деревня Косая гора и надо было взять реку Угра. После четырехчасового боя река была взята, и мы с ним перешли на другой берег. На другой день необходимо было взять небольшую высоту, и в 10 часов утра начался бой, упорный бой, враг сопротивлялся сильно. И Марк решил пойти сам с одной ротой. Продвинувшись метров 35, он вскричал с криком «ура» и побежал вперед, бойцы за ним, и от пули снайпера в лоб упал Марк. Высота была взята. Так погиб Марк Бершадский - молодой растущий командир. Вечная память ему. Его похоронили в д. Косая гора Смоленской области со всеми воинскими почестями, с салютом роты и одной артбатареи били под «пр. Октябрь», где засел враг.

Не падайте духом. Геройские павшие слез не требуют, а требуют быстрого разгрома общего врага».

За 6 дней до гибели Марка Анна писала ему: «Здравствуй, любимый, родной! Когда часто пишу тебе - меньше скучаю. Я как-то написала в Казанский институт, что хотела бы учиться. А в ответ получила вызов. Мне очень тоскливо и так, а без меня совсем не хорошо... Мне надо до 10 апреля сдать 5 предметов, а потом до мая еще 7 или 8. Потом два месяца практика, госэкзамен, и к 1 августа мы кончаем. Еще я боюсь, что плохо знаю буду - как буду работать. Через два дня буду сдавать первый предмет - уголовное».

Я знаю, кончится война, вернешься домой, и снова будем жить прекрасно, еще лучше, чем жили. Я спокойна за тебя, жду тебя, верю, что все хорошо будет. Только иногда очень тревожно бывает. Буду писать тебе каждый день, а ты пиши мне как сможешь чаще. Напиши только, что жив и здоров, мне ничего больше не надо. Сейчас совсем рано - 10 часов, но от свечки осталось чуть-чуть. Буду о тебе думать.

Люблю очень и целую крепко. Анна».

...После окончания института Анна Гольдина работала в прокуратуре города Ярославля. Там и застало ее известие о гибели Марка. Неоднократно она обращалась в военкомат об отправке ее на фронт. Заместитель командира полка по политчасти, где служила Марк, прислал ходатайство о направлении Гольдиной в их часть. Анна Лазаревна была призвана в армию и вскоре стала секретарем комиссара В.П. Кобинова. Затем медсестрой, а когда ранено командира полка - комиссаром начальнического штаба. После войны Анна Лазаревна Гольдина работала юристом. В январе этого года ее не стало.

Публикацию подготовил
Юлий ЛУРЬЕ